

Светлана Анатольевна ГУСЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕИПе: МОИ УЧИТЕЛЯ

ЧАСТЬ I

1. Сергей Матвеевич Черкасов

Как перенос в психоанализе формируется у человека задолго до того как он появляется в кабинете психоаналитика, по рассказам, мимолётным встречам, фотографиям аналитика или на худой конец фантазиям о психоаналитике, так и мое поступление в ВЕИП, видимо, формировалось задолго до самого поступления. Случайно, как и должно было случиться. В поезде, на верхней полке, пролив чай на журнал Вопросы психологии, на последней странице обложки я прочитала: проводится набор на факультет Клинической психологии, специальность «клинический психолог». Хотела ли я быть психологом? Конечно, нет! А клиническим? Да никогда в жизни! В итоге, я стала вторым выпуском ВЕИПа и провела в психоанализе целых 30 лет!

Моим первым серьезным Учителем в психоанализе стал Сергей Матвеевич Черкасов. Человек, которому я обязана своей идентичностью. Первый, кто поверил в меня и поддержал. Он был представителем Питерской интеллигенции, другом Дмитрия Сергеевича Лихачёва и большим психоаналитическим вольнодумцем! Именно он открыл для меня психоанализ не как частный метод психотерапии, а как метапсихологию и как способ изучать эту жизнь во всем её многообразии! Именно он, преподавая Историю психоанализа, привил мне вкус к психоаналитическим понятиям и школам. Именно он ввел такой ракурс анализа, как психоанализ кино, обсуждая с нами фильм Ингмара Бергмана «Персона».

Я помню, как он был горд своими дипломниками, и как на моей защите, оглядывая комиссию и зал, с актерским пафосом воскликнул, указав на меня: «Это не просто умница, она УМ-НИ-ЦА!» По-моему, родная мама меньше верила в меня и радовалась моим успехам.

А потом был торжественный ужин для дипломников, организованный Сергей Матвеевичем у него дома, где он нас встречал в торжественном костюме с бабочкой, с приготовленными им самим миногами! Да, в приглашении каждому из нас он напи-

сал: «Приглашаю на Торжественный ужин!» На ужине прозвучало и его психоаналитическое завещание. Он сказал, что нам нужно держаться друг друга, сформировать психоаналитическое братство и открыть собственные Центры психоанализа у себя в городах! Мысленно я тогда поклялась, что так и сделаю!

К слову, именно после нашего курса, мы открыли факультет психоанализа в Екатеринбурге, а я свой Центр Психоанализа, Володя Кривочуров – Сибирский институт психоанализа, Римма Джузенова – специализацию в Ярославле, Сергей Бакалдин свой Центр в Краснодаре и т.д. Дима Рождественский и вовсе остался преподавать в ВЕИПе и теперь звезда!

◀ Черкасов Сергей Матвеевич (1935–1997) ▶

А через три дня Сергея Матвеевича не стало. Он умер во сне. И это было так непостижимо, так несправедливо и так пусто внутри. Многие наши уже улетели и не могли в это поверить, а мы хоронили его из самой большой аудитории ВЕИПа, при огромном стечении народа.

Сейчас библиотека института носит его имя, а первые предметы, которые я начала преподавать из курса психоанализа, были «История психоаналитического движения» и «Психоаналитическая Синемалогия!» «Синемалогия» преподается в нашем центре уже 27 лет, и мы не пропустили за это время ни одного месяца. Учитель продолжается в своем ученике.

2. Альфред Александрович Щёголев и Лев Моисеевич Щеглов

Альфред Александрович был моим кумиром! Да что там, он был всеобщим кумиром, обожаемым нашим потоком! Он, даже был секс-символом. Вернее, секс-символа было два, но все по порядку.

Альфред Александрович источал такой задор, такое психическое здоровье, такой великолепный слог и чувство юмора, что, слушая его, я понимала: этот мир устоит! И, даже если бы он читал телефонный справочник, это бы было захватывающее, вкусное, великолепное зрелище. А читал он, между прочим, серьезные дисциплины: «Введение в Неврозологию» и «Дифференциальную диагности-

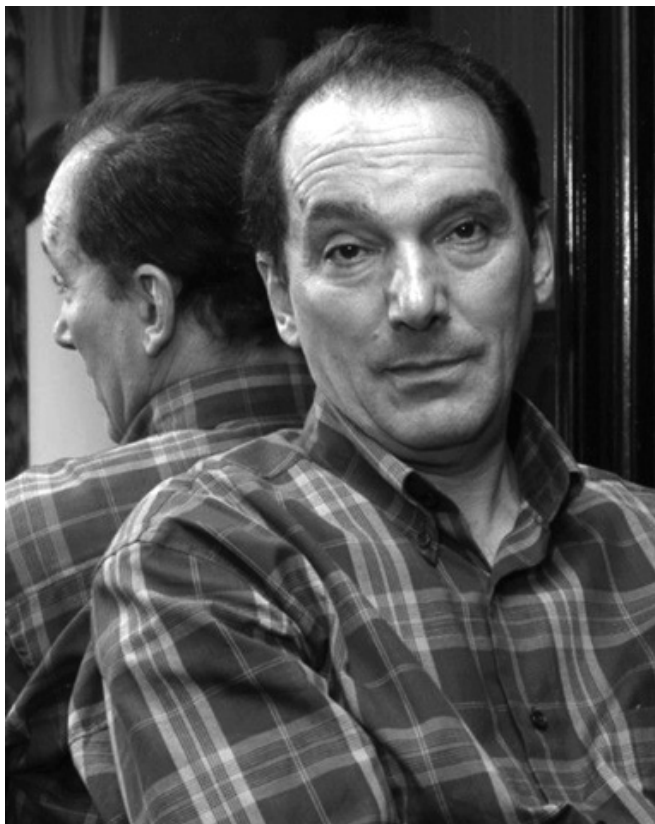
◀ Альфред Александрович Щёголев ▶

ку!»! Боже, как это было здорово, ну просто чистый восторг! Как он показывал отличие истерического тика, припадка от органического: на себе, с соответствующими звуками, позами и вихляниями! Он был просто гениален, а мы все хохотали, как потерпевшие, и я точно знала, что отличу один от другого, когда столкнусь с таким явлением (и в политике, и в кабинете). Затем последовали его блестящие авторские семинары: «Невроз как внутренний театр личности», «Ложная женщина» и другие. Я сидела «на первой парте», затаив дыхание и боясь пропустить хоть одно его слово!!!

Кстати, его книга «Ложная женщина» показана к прочтению всем, ну, абсолютно всем! Так и помню одну цитату из неё: «Для некоторых детей их мать – это «родина-мать» и она зовёт».

Вторым блестящим педагогом и тоже секс-символом среди наших преподавателей был Лев Моисеевич Щеглов, читавший у нас сексологию и проводивший семинары по работам Фрейда «Тотем и табу» и «Будущее одной иллюзии». Это в стране-то, где секса не было, приходил человек и объяснял, что секс он давно есть, и что именно с ним нужно делать! Четко, умно, открыто.

Потом я узнала, что ведёт этот умный человек просветительские программы на телевидении и что он большая знаменитость. В общении с нами это никак не проявлялось. Только однажды, на не очень умную реплику кого-то из слушателей, он резко ответил, что, дескать, есть люди, которым свойственно совершать псевдоинтеллектуальные набег!

◀ Лев Моисеевич Щеглов (1946–2020) ▶

Псевдоинтеллектуальные набег – это же просто в точку! Ах, дорогой Лев Моисеевич, сколько я в жизни потом встречала подобных персонажей, склонных к обозначенным Вами набегам, и не перечить. И всегда вспоминала Вас!

А вообще, мы были счастливыми. Мы слушали Германа Сунягина с его философской антропологией, Эльмара Соколова с его удивительной «теорией человеческой непрозрачности», Сергея Рязанцева с курсом «Танатология». Вместе с господином Пилипенко мы ходили в Эрмитаж изучать историю эротической культуры (а не по учебнику и не в теории). Да, нам повезло, мы стояли на плечах Гигантов!

Льва Моисеевича, к сожалению уже нет с нами, а Альфреду Александровичу долгих и счастливых лет жизни!

3. Гарольд Штерн. Мой психоаналитик

3.1. Видит бог, как долго я ждала и искала своего психоаналитика! Уже в середине обучения прошел слух, что надобно каждому проходить учебный анализ и предъявить/отловить хотя бы одного живого и здорового пациента, иначе шанс окончить институт ничтожно мал. А кого я, гуманитарий, могла предъявить? Какого пациента? Но тут мне на помощь пришёл Сергей Матвеевич Черкасов и сказал, что никого мне не нужно предъявлять и отлавливать, а стоит заниматься тем, что у меня получается хорошо: психоанализом общественных процессов. Так я с отличием окончила ВЕИП.

◀ Гарольд Штерн (1927–2020) ▶

Тем не менее вопрос о личном анализе оставался актуальным. Некоторые однокурсники на последнем году обучения шепотом говорили друг другу, что, дескать, ходят к кому-то (по разным адресам и темным аудиториям) анализироваться. Клиника ВЕИПа появилась намного позже. Так проходили годы, коллеги получали какие-то статусы и сертификаты о своём полном или частичном анализе, а я всё ходила, как неприкаянная.

Я вглядывалась в лица своих потенциальных психоаналитиков (многие из них были нашими преподавателями), слушала их речи, смотрела на то, как они ведут себя на банкетах и фуршетах, и мне ни один не подходил. НИ ОДИН!!! Вернее, нет, году этак на пятом нашла я одного кандидата в мои аналитики и даже сходила на предвари-

тельное интервью, но он, этот кандидат, сказал мне: «Я боюсь с Вами связываться». До сих пор непонятно, то ли он боялся эротического моего/своего переноса, то ли негативной терапевтической реакции?! Ну да, слава богу, что все так удачно сложилось. И ходить бы мне так всю жизнь не проанализированной, и заниматься теорией психоанализа, если бы на моем пути не возник он: Гарольд Штерн.

На четвертом курсе, уже перед самым окончанием, я увидела его в аудитории на групповой супервизии. Он был внимателен, чётко, прозорлив, умён и очень авангарден в своих суждениях. И закончилось бы это все, не начавшись, если бы он периодически, обращаясь ко мне, не спрашивал: «Светлана, что Вы думаете по данному поводу? Что тут можно сделать?» Да что я могла думать, у меня был ужас и какой-то паралич. Потом несколько раз ко мне подходила его переводчик и говорила: «Гарольд велел Вам передать, что он с удовольствием посмотрит ваши случаи на группе». Какие случаи? У меня их не было и в помине, я сама себе была единственный случай. И потом, завершая группы, он говорил: «Жаль, что мы не послушали случай Светланы» (во мне всё холодело).

В общем, в сухом остатке (а о Гарольде я могу говорить и писать бесконечно): я подошла к нему и спросила, может ли он стать моим психоаналитиком, и он ответил: «Конечно!» – «Но я не знаю английского языка?» – «Мне будут переводить». – «Но мы живём на разных континентах?» – «Есть телефон, и мы будем писать друг другу». – «Но я не знаю, о чем писать?» – «О чем хотите». «Приходите ко мне завтра на анализ на Большой проспект Петроградской стороны, 45».

Так Гарольд преподавал мне первый и главный урок: что не может быть никаких препятствий для анализа ни у пациента, ни у аналитика, если оба человека к этому готовы.

За 20 лет нами было проведено столько часов вместе, столько замечательных переводчиков и коллег помогало нам понять друг друга (отдельное спасибо Ирине Широковой, Татьяне Рудаковой, Екатерине Михайловой)! Столько написано писем!

Говорят, что появлением Гарольда Штерна ВЕИП обязан Ринату Галиеву и Михаилу Михайловичу Решетникову. Что ж, Бог услышал мои молитвы! В прошлом году моего психоаналитика и супервизора не стало, и я навсегда останусь сиротой. Лёгкой дороги, Гарольд. В следующей жизни я буду снова проходить анализ только у Вас.

3.2. Для меня психоанализ это всегда про СВОБОДУ: свободно мыслить, свободно чувствовать, свободно говорить. Это синонимы, психоанализ и свобода. Я чувствую несвободу на очень дальних подступах, чувствую кожей, ментально, интуитивно и всегда готова её защитить.

Мой психоаналитик обладал двумя этими качествами сполна: он был психоаналитик-виртуоз и очень свободный человек! Ему было под девяносто, а он легко и

свободно перемещался по миру, оказываясь то в России, то в Японии, то опять в Америке. Показывая, что психоанализом можно заниматься везде, с разными людьми и при любых обстоятельствах. Это качество я унаследовала у него с радостью.

Он живо откликался на любые приглашения о приезде и встречах, всё у него вызывало неподдельный и искренний интерес. Помню, как-то он спросил меня: «Светлана, в Питере мне предлагают купить акции Петмола. Что Вы думаете о Петмоле?» О Петмоле я не думала ничего.

Его приезд с циклом лекций в Екатеринбург (по нашему приглашению) состоялся, если не ошибаюсь, в 1999 г. Это был второй город, после Петербурга, который он посетил. У него был живой интерес приехать на Урал: у его жены Ирины Широковой там вроде бы жили родственники. В общем, мир тесен. Он приехал читать курс «16 ошибок психоаналитика». Из всего этого курса я запомнила только то, что бояться ошибок – это и есть самая большая ошибка, и что на сессии и в терапии можно делать все что угодно, главное при этом понимать, как это скажется на пациенте.

А вообще я обязательно когда-нибудь напишу книгу «16 уроков у Штерна», если, конечно, хватит сил и наглости. Основные же его уроки следующие:

1. Чтобы ходить к психоаналитику, не нужно быть больным.
2. Ты всегда лучший терапевт для своего пациента/клиента. Помню, как я переживала, что Гарольд или Фрейд лучше бы помогли моим клиентам, на что он всегда говорил: «Они пришли к Вам, и значит вы для них лучшая».
3. Не надо ничего додумывать за пациента. Как-то я поделилась с ним опасением, что ничего не понимаю в снах пациентов и боюсь этого. «А вы ничего и не должны понимать в их снах, это их сны, пусть и понимают. А если не понимают, то не готовы». Так я перестала бояться. Много лет спустя, один мой клиент, проанализировав больше пятисот (!) своих снов, поступил в ВЕИП, защитил диплом по сновидениям и написал собственную книгу на эту тему. Разобрался, стало быть.
4. Своими пациентами нужно интересоваться!!! Когда я приезжала на любой из его семинаров, в Москву, Питер, Киев, он, выискивая меня глазами в группе, спрашивал: «А где Вадим? А Ирина, а Люба, что с ними?» Помнил абсолютно всех и интересовался. Говорил: «Вот приходит к вам пациент, и вы полсессии пишете: кто он, что он, где живёт, где работает. А это зачем? Чтобы вам знать, где его искать и возвращать в анализ! Я так и делаю: ищу и возвращаю».
5. Работать нужно с переносом и сопротивлением, пациента и своим собственным. И всё, и этого достаточно!
6. Мне же он говорил все двадцать лет, что моя главная проблема – это суперэго, и все мои сопротивления – это сопротивления суперэго. И не надо быть лучшей, нужно быть достаточно хорошей. И Гарольд помогал мне в битвах с моим суперэго. А бились мы не на жизнь, а на смерть!

Когда его не стало, мы все, знавшие его, лечившиеся и учившиеся у него, не понимали, что делать дальше, как реагировать на его уход. Провели несколько закрытых групп для дебрифинга, а затем появился замечательный Проект Штерновских чтений, который, я думаю, будет иметь долгое продолжение! Учитель продолжается в своем Ученике.

4. Летние Школы

Окончив ВЕИП, мы разъезжались кто куда, по большим и малым городам нашей необъятной родины. И очень быстро начинали испытывать тоску по той атмосфере, что царила в институте, по тому языку психоанализа, что выучили мы, по той интеллектуальной гимнастике, необходимой, как воздух. Кто-то был единственным психоаналитиком в маленьком городке и поселке, у кого-то не складывались отношения с медицинской диаспорой психотерапевтов и психиатров (нам, в Екатеринбурге в этом смысле повезло, мы с медиками очень дружим, и они посылают нам даже своих взрослых детей и родственников на анализ). У кого-то распадались семьи, потому что наступало вавилонское разделение языков: один член семьи говорил и мыслил на языке психоанализа и уже не мог по-другому, а второй думал, что первый сошел с ума или попал в секту.

Поэтому предусмотрительно, я подтолкнула и отправила своего мужа вслед за мной обучаться в ВЕИП и вот уже двадцать пять лет мы с утра до вечера «перетираем» случаи клиентов, иверяем алгеброй гармонию. И ни есть нам не надо, ни пить! Только работу давай, клиентов да анализ.

Вот тут-то и возник Проект: Летние Школы Психоанализа, объединяющие нас последние 25 лет! Прекрасное слово Школа, где все у всех учатся мастерству мышления и практики! Где все равны, где тебя поймут, где ты можешь усилить свои позиции общением с другими профессионалами! Школа, наша школа!

Сначала была идея проводить её в крупных городах России: Москве, Питере, Екатеринбурге, Новосибирске, но потом как-то само собой решилось, что коли мы все птенцы гнезда ВЕИПовского, то и проводить школы будем в Санкт-Петербурге!

Школа (а это были крупные международные конференции), как магнит, притягивала людей интересных, неординарных, любящих психоанализ и разбирающихся в нём. Так именно на Школе я познакомилась с великолепными психоаналитиками из Москвы Элиной Потемкиной, Екатериной Белокосковой-Михайловой, Александром Кантором, Еленой Савичевой, Александром Поповым, Борисом Ереминым, Людмилой Поляновой, с отличными профессионалами Светланой Светозаровой и Сергеем Солдатовым из Запорожья, со Светланой Уваровой из Киева, с Александрой Гайдалёнок из Омска, с Филиппом Филатовым из Ростова-на-Дону! Близкими и

родными мне стали Питерцы: Галина Савченко, Ринат Галиев, Наталия Попова, Елена Васильева. Наша психоаналитическая дружба продолжается много лет.

Я читала ряд своих курсов в ИКиППе, проводила мастер-классы в ЮВИПе, преподавала ряд дисциплин в Киевском институте глубинной психологии и в Сибирском институте психоанализа, спецкурс в ВЕИПе. Но основа этому сотрудничеству, его фундамент был заложен именно на Школах, где мы могли друг друга увидеть, послушать и усилиться друг другом!

Летняя школа – это 3–5 дней праздника, был ли это Дворец Кочубея в Пушкине, или Балтиец в Репино! Доклады сменялись мастер-классами, супервизии киноклубом и так далее! А ещё были вечера, и обсуждение дневных мыслей и переживаний! Мы кочевали из номера в номер, и все говорили и говорили, и не могли наговориться. А ещё был Банкет или Психоаналитический Бал, где мы могли наблюдать за тем, как могут психоаналитики отдыхать, радоваться, пить и петь! И ведь могли, да ещё как!!!

Обычно Школу открывал Михаил Михайлович Решеников, затем шли полные иронии и жизни доклады Андрея Куликова (в основном, я запомнила его сообщения про переносы в терапии и про то, как он с ними справляется, со статистикой, фактами и аргументами). Затем шел эпатажный и полный глубинных смыслов Дмитрий Рождественский. Затем Сергей Соколов со своей любимой темой нарциссизма во всех его проявлениях (почему-то запомнилось, как Сергей всех пациенток и клиенток называл барышнями, и говорил: вот пришла ко мне барышня). Потом, полная эротизма и шарма Екатерина Сакальская с детскими психоаналитическими историями! Эх, какое это было время!

Отдельным Атлантом и Титаном был, конечно, организатор этих школ Алексей Сёмкин! Его работоспособности, дружелюбю, невозмутимости и стабильности я могла только позавидовать! Алёша, я восхищаюсь тобой!

Под участие в Летних Школах Национальной Федерации Психоанализа (НФП), а в последствие Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (ЕКПП) люди планировали свои отпуска, выделяли время и денежные суммы и с нетерпением ждали встреч! Лично я не пропустила ни одной за все 20 лет, потому что моя идентичность складывается из признания других профессионалов, их принятия и оценки. Психоаналитик учится всю свою жизнь.

5. Они ушли. Никита Благовещенский. Рифкат Гатупов. Ринат Галиев

Все трое были выпускниками ВЕИПа первых выпусков, все трое, несомненно, были очень одаренными людьми и обладали бесценным даром – дружить. И все трое беззаветно любили психоанализ.

НИКИТА БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

◀ Никита Благовещенский (1964–2007) ▶

Никита был типичным представителем определенной части питерской интеллигенции. «Вечно молодой, вечно...», как поет группа «Смысловые галлюцинации». При этом он знал несколько языков, живо и сразу откликнулся на идеи Стерна и Спотница при работе с доэдипальными пациентами, и одним из первых начал писать книги по прикладному анализу. Сначала «Учитель и ученик: между Эросом и Танатосом», книгу по психоанализу педагогики, а затем «Случай Вени Е.», психоаналитическое исследование поэмы «Москва – Петушки».

Книгу по психоанализу педагогики я считаю очень хорошей до сих пор, хотя многие психоаналитики могли бы вдогонку написать что-то толковое. Сколько важных идей из мира психоанализа обсудили мы с ним холодными осенними питерскими вечерами, сидя в кафешках, и не перечечь.

Он спрашивал, что мы с Вадимом думаем о его книгах, и мы от души его хвалили! В отношениях дружбы он был какой-то слишком совестливый, что ли. Помню, как после выборов Президента НФП, когда на втором туре остались я и Андрей Куликов, и все голосовали тайно, он подошёл ко мне позже и глядя в пол, извиняясь, сказал: «Света, прости меня, я голосовал за Куликова, он мой Учитель». Да за что я должна была его прощать?

РИФКАТ ГАТУПОВ

Рифкат был удивительно простым! Но не той простотой, которая хуже воровства, а отсутствием всяческого собственного нарциссизма в психоанализе, и служением последнему.

Живя и работая в Нефтекамске он с такой радостью приезжал на школы и конференции в ВЕИП, так неподдельно был счастлив встречам, что вот я понимала, что я то так не могу. Будучи участником нескольких моих семинаров, а он уже тогда был отличным психоаналитиком он внимательно впитывал всё, что я говорю, и четко расставлял все по местам!

Приехав к себе на родину, в Нефтекамск, он начал издавать альманах, посвященный проблемам психоанализа, и, кажется, успел издать выпусков шесть. А к 150-летию Фрейда и вовсе появилось серьезное издание сборника статей «Психоанализ Татарстана!». Помню, он подошёл ко мне, открыл его на одной из страниц, и я прочитала: «Лекции Гусевой Светланы». Он сказал: «Я записал там все твои выражения, и мысли, и высказывания. Всё, всё, что ты говорила на семинарах». Господи, ты, боже мой, ведь я за всю жизнь так и не собрала записать, чего я там говорила, так бы и сгнула под грифом «неизвестный солдат». Рифкат, замечательный Рифкат.

◀ Рифкат Рифович Гатупов (1958–2019) ▶

РИНАТ ГАЛИЕВ

Про Рината я могу писать долго и восторженно. Умный, образованный человек, разбирающийся как в медицинских, так и в прикладных аспектах психоанализа! Бессменный ведущий Киноклубов, отличный юнгианский аналитик и супервизор! Человек масштабного мышления и взглядов. И при этом невероятной щедрости и доброты. Помню, как он прилетел к нам в Екатеринбург на одну из зимних школ, и расстроенный рассказал, что компания Победа заставила его заплатить восемь с половиной тысяч рублей за перевес багажа! Так что же ты такое вёз, спросила я? Подарки всем, ответил он (это всегда были красивые сувениры, альбомы, вина, и так каждый

◀ Галиев Ринат Фаридович (1959–2021) ▶

приезд). Он помнил, у кого дни рождения, кто в каком состоянии и передавал, кому коробки, кому деньги, кого супервизировал абсолютно безвозмездно. Он был украшением любого Бала и события. Со всеми, со всеми фотографировался, как будто боялся не успеть и пропустить что-то важное. Очень расстраивался, при малейшем намеке на отвержение. Сказал мне с досадой на последней (в прямом смысле слова) нашей встрече на Летней Школе: «Вот ко мне ты не пришла смотреть кино, а к Нине Савченко так пришла...»

Это мои человеческие потери. Они ушли. Я знаю, что Никита был человеком верующим, Ринат тоже (как то он подарил мне мусульманские четки и они до сих пор хранятся вместе с его многочисленными подарками), про Рифката ничего не скажу, потому что не знаю. Но один вопрос у меня все же остался и не даёт мне покоя. Почему же такое замечательное знание и учение, как психоанализ они не использовали, чтобы задержаться на этом свете? Почему психоанализ им не помог?!!!

Впрочем, он не помог и Фрейду, закончившему жизнь раком челюсти... Но это совсем другая история.

6. Мои супервизоры. Натали Зальцман. Александр Непомнящий. Хорст Кехеле. Сержио Бенвенуто

На последних курсах моего обучения в институт начали приезжать иностранные психоаналитики. Ощущение было такое, будто смотришь сразу две телепередачи: «Международная панорама» и «Советский союз глазами зарубежных гостей»! А наблюдать за ними и изучать было одно удовольствие! Но всё по порядку.

НАТАЛИ ЗАЛЬЦМАН

Я увидела её впервые в паре с Александром Непомнящим на двухдневном семинаре «Деньги в терапии», проводившемся в ВЕИПе, участницей которого мне посчастливилось стать. Маленькая хрупкая женщина в футболочке и простеньких штанишках, с короткой стрижкой. Надо сказать, что когда впоследствии я приезжала в Париж, то безошибочно отличала коренных парижанок от нафуфыренно-помпезных «понаехавших» дам. Парижанки все были похожи на Натали: маленькие, в футболочках и брючках, с короткими стрижками.

Так вот на семинаре я видела ее внимательный и слегка опущенный в пол взгляд, какую-то особую форму рефлексивного слушания и, конечно же, очень, очень экологичную манеру общения с каждым из нас. Когда они собрали запрос группы

(что бы мы хотели узнать про деньги и какое место этот вопрос занимает в нашем общении с пациентами), то в конце они с Александром переглянулись, и она весело сказала: «Вы такие молодцы, нам нечему вас учить!» А учить-то конечно было чему! Про деньги, как и про секс, в нашей стране только привыкали говорить.

К слову сказать, эта тема стала для меня любимой на протяжении всей моей психоаналитической жизни и карьеры! Сколько я провела тренингов и мастерских на тему «психоанализ денег» в разных странах и на разных континентах и не перечесать, думаю больше ста, точно.

Встречаясь с ней в Париже и супервизируя свои случаи, я всегда поражалась живости ее ума, и отношению к моим пациентам/клиентам. Мы сидели на лавочке, в аллее, напротив Сиде, и она спрашивала: «Светлана, как вы думаете, что вы такое делаете для пациента, что он готов так долго к вам ходить и так много платить?» И мне становилось полегче от таких вопросов!

◀ Натали Зальцман (1933–2009) ▶

Натали не стало в 2009 г., и я до сих пор казню себя, что не сделала с ней ни одной общей фотографии. Всего то и осталось, что её визитка. И те идеи, которые она мне так щедро подарила!

АЛЕКСАНДР НЕПОМНЯЩИЙ

◀ Александр Непомнящий ▶

Александр был и остаётся для меня воплощением какой-то мягкой, вкрадчивой и одновременно глубокой модели аналитичности. Я приходила к нему на супервизии в Клинику при ВЕИПе (а она тогда к всеобщей радости уже открылась), он слушал меня, кивая и говоря: «Так, угу...» А когда я описывала, к примеру, свои гневные чувства к пациентке, он улыбался и говорил мне: «Светлана, но это же маленькая девочка». И разводил руками.

И ещё он подарил мне универсальный принцип работы, почти «шиболет», описанный Фрейдом в одной из его работ. Какой бы слу-

чай я не супервизировала, он фокусировался на следующем. Он говорил: «Света, у пациента есть какая-то тайна, и он вам о ней не говорит. Узнайте, что это за тайна!» И так по каждому случаю.

Сейчас у меня это тоже любимый приём в консультировании. Я говорю клиентам, что, если у них есть какие-то тайны, то пусть скажут о них сразу или не морочат мне голову! И уже много лет мы в своем Центре Психоанализа успешно и с удовольствием реализуем проект «Роль семейных тайн в формировании неврозов и психозов».

ХОРСТ КЕХЕЛЕ

Его впервые я увидела в ВЕИПе на Конгрессе, посвященном 10-летию ВЕИПа. Он сидел прямо передо мной на секционном заседании в аудитории № 10 и после каждого выступления выскакивал к микрофону и долго, страстно, увлеченно о чем-то говорил, спорил! С всклоченными волосами, живой мимикой и жестикуляцией он совсем не был похож на великого классика, автора учебников и книг по психоанализу! Он скорее напоминал подростка или городского сумасшедшего. Но как

же он был умён и привлекателен в этой своей неистовости! Позже я спросила его, а почему он так кричит и рвется к микрофону, откуда столько страсти? И получила ответ: «Именно так нужно обсуждать тему переноса и контрпереноса».

Именно он научил меня внимательно слушать каждый доклад и включаться в его обсуждение! И я сама стала неистовой и остаюсь такой уже много лет. Хорст Кехеле ушел от нас в прошлом году.

◀ Хорст Кехеле (1944–2020) ▶

СЕРЖИО БЕНВЕНУТО

О Сержио я могу писать очень долго с большой теплотой и признательностью! И хоть он никогда не читал в ВЕИПе лекции и познакомилась я с ним в Украине в Киевском Институте Глубинной Психологии у Светланы Уваровой, но его манера увлеченно, живо, весело, не авторитарно и не нависая помогать людям в профессии жить долго и счастливо стала частью моей идентичности!

А ещё мне никогда не забыть, как на большой групповой супервизии моего случая в Киеве Харольд и Бенвенуто схлестнулись и почти десять минут оживлённо

жестикулируя, выпучивая глаза и напрягаясь всем телом, что-то говорили друг другу. Группа безмолвствовала, я же с мольбой в голосе попросила переводчицу объяснить мне, что тут, в конце концов, происходит?!! И она мне ответила, что Сержио считает, что все дело в сопротивлении аналитика, а, по мнению Харольда, – в сопротивлении пациента!

◀ Сержио Бенвенуто ▶

Великие люди, что тут скажешь. Моя им бесконечная благодарность!
И, да, Учитель продолжается в своем Ученике...